

«Ода на посещение Белосарайской косы,
что на Азовском море» Ильи Кутика:
мифопоэтика, метаморфозы пространства
и функция метабола

Алексей Е. Масалов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, uchkuduk202@gmail.com*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу «Оды на посещение Белосарайской косы, что на Азовском море» Ильи Кутика. В этом тексте возникает особая мифопоэтика, пересобирающая вегетативный вариант мифологического сюжета через превращение чудовищной рыбы в Белосарайскую косу. При этом сам образ этой рыбы не сводится к привычным очертаниям мифического героя или чудовища, так как базируется на переосмыслении мотива воскресения, содержащегося в структуре вегетативной композиции. Ключевой эпизод «Оды...», рождение Белосарайской косы, изображается при помощи синтеза, где одна деталь наслаивается на другую, а пространство все время находится в динамике, что говорит еще об одной особенности поэмы, постоянных метаморфозах пространства. Скрещение мифа и технологии в языке произведения создает и специфические координаты, и особое функционирование метабола. Мифопоэтическая основа обеспечивает кумулятивную структуру метабола, т. е. в основу синтетического тропа ложатся кумуляции, синтезирующие семантические поля физических явлений и телесности, природного и технологического. Такое функционирование метабола как раз и организует взаимопричастность различных деталей мира, характерную для метареалистического способа высказывания. В этом смысле «Ода...» Кутика строится как своеобразная пересборка «Метаморфоз» Овидия через одический канон и метаболический язык метареализма.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия, мифопоэтика, метаморфозы, пространство, метареализм, метабола, кумуляция

Для цитирования: Масалов А.Е. «Ода на посещение Белосарайской косы, что на Азовском море» Ильи Кутика: мифопоэтика, метаморфозы пространства и функция метабола // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 8. С. 86–95. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-86-95

© Масалов А.Е., 2021

“Ode on Visiting the Belosaraisk Spit
on the Sea of Azov” by Ilia Kutik.
Mythopoetics, metamorphoses of the space
and the function of metabole

Aleksei E. Masalov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
uchkuduk202@gmail.com*

Abstract. In this article the author analyses “Ode on Visiting the Belosaraisk Spit on the Sea of Azov” by Ilia Kutik. There is a special mythopoetic in this text, reassembling the vegetative version of the mythological plot through the transformation of the monstrous fish into the Belosaraisk spit. At the same time, the image of that fish is not reduced to the usual outlines of a mythical character or monster, since it is based on a rethinking of the resurrection motive contained in the structure of the vegetative composition. The key episode of “Ode...”, the birth of the Belosaraisk spit, is represented by synthesis, where one detail is layered on another, and space is always in dynamics, which speaks of another feature of the poem, constant metamorphoses of space. The crossing of myth and technology in the language of the work creates both specific coordinates and the special functioning of the metabole. The mythopoetic basis provides the cumulative structure of the metabole. Cumulations synthesizing the semantic fields of physical phenomena and physicality, the natural and technological form the basis of the synthetic trope. Such functioning of the metabole organizes the mutual involvement of various details in the universe, characteristic of the metarealistic expressing. In that sense, “Ode...” by Kutik is built as a kind of reassembling Ovid’s “Metamorphoses” through the odic canon and the metabolic language of metarealism.

Keywords: Russophone poetry, mythopoetics, metamorphoses, space, metarealism, metabole, cumulation

For citation: Masalov, A.E. (2021), “ ‘Ode on Visiting the Belosaraisk Spit on the Sea of Azov’ by Ilia Kutik. Mythopoetics, metamorphoses of the space and the function of metabole”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory, Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 86–95, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-86-95

Анализ поэзии метареализма как способа высказывания, зародившегося на рубеже 1970–1980-х гг., требует всестороннего подхода к ряду ключевых для понимания метареалистической эстетики того периода текстов. Это стихи Александра Еременко 70–80-х годов, сборник Ивана Жданова «Портрет» (1982), поэмы

Алексея Парщикова «Новогодние строчки» и «Я жил на поле Полтавской битвы», цикл «Реализации» Владимира Аристова, «Несколько элегий написание кухонной элегии» Аркадия Драгомощенко и его поэмы «Ужин с приветливыми богами» и «Настурция как реальность», а также «Ода на посещение Белосарайской косы, что на Азовском море» Ильи Кутика, исследованию которой и посвящена данная статья.

Метареализм, понимаемый М.Н. Эпштейном как «*мета*-физический реализм, т. е. реализм не физической данности, а сверхфизической природы вещей», и «*мета*-форический реализм, переходящий от условного подобия вещей к их реальной взаимопричастности, т. е. от метафоры к метаболу» [Эпштейн 2005, с. 172], возникает как особый способ непрозрачного, сложного высказывания под воздействием разных влияний и складывается из разнообразных, порой совсем непохожих поэтик. В этом плане тот же М.Н. Эпштейн сравнивает связи в метареальном сообществе с «*семейными сходствами*» Л. Витгенштейна: «В эту “витгенштейновскую” Алешину¹ семью входили В. Аристов, И. Ганиковский, А. Давыдов, А. Драгомощенко, Е. Дыбский, А. Еременко, И. Жданов, Ю. Кисина, В. Курицын, И. Кутик, А. Иличевский, А. Левкин, Р. Левчин, В. Месяц, В. Салимон, С. Соловьев, В. Сулягин, А. Чернов, И. Шевелев, Т. Щербина – я называю далеко не всех, и в разной степени близких, да и неизвестны мне полные ее очертания. Аристов чем-то походил на Драгомощенко, Драгомощенко – на Жданова, Жданов – на Парщикова, Парщиков – на Еременко, но между Еременко и Аристовым уже не было ни малейшего сходства» [Эпштейн 2009]. Общими же для всех метареалистов являются метаболическая образность и иной тип поэтического герметизма, который в отличие от семантической поэтики акмеизма и наследующей ему ветви неподцензурной поэзии 1950–1970-х гг., где сложность восприятия создает «такое построение текста, при котором читатель вынуждается искать код и основные правила шифровки и дешифровки» [Русская семантическая поэтика 1974, с. 58], базируется не на шифровании смыслов, а на изображении сложных взаимосвязей между деталями мира, между структурами опыта и т. д.

Так и «Ода...» Ильи Кутика, датированная 1980–1984 гг., строится на подобной оптике взаимосвязей мифологического и технологического, природного и рукотворного:

¹Имеется в виду Алексей Парщиков, некоторыми критиками и исследователями считающийся «лидером» метареалистического направления в поэзии. – А. М.

Но между Рыбой и Моллюском
Есть связь, налаженная впрок.
Так в треугольнике Бермудском
с вершин, утопленных в песок,
будто подъемные мишени,
однажды в год всплывают тени,
и тут срыгает Океан
медуз и мидий – нате даром –
всем телом вскрикнув под ударом
гипотетичных медиан².

Метаболическая взаимопричастность «между Рыбой и Моллюском» подкрепляется синтезом различных семантических пластов: телесного и механического («семя с самого зачину / в утробе кружит, дно клубя, / покамест всю ее бобину / перематывает на себя» [с. 23]), мифического и техногенного («как в кольцах собственных Пифон, / и с силой дергая за нити, / телеграфирует наитья, / нашептанные в диктофон» [с. 23] или «И мир бессилен, как прядильный, / вдруг вышедший из строя цех, / когда, еще не давши Ноя, / он спутан пряжей проливной» [с. 24]). Алексей Парщиков отмечает, что эта поэма

...кажется «переводом с воображаемого», в смысле – переводом на вербальный уровень объективированных форм фантазийного пространства. Так в одах XVIII в. подавались оживляемые словом эмблемы, боги описывались как вышедшие из машины в натуральный ландшафт, и другие объекты, вылепленные фантазией: иллюзионизм (теперь бы сказали – виртуальность) – короче, то, что в XX веке послужило фабрикам грез и сюрреализму³.

Такое впечатление становится возможным не только за счет оптики взаимопричастности и центоноподобной структуры⁴ некоторых строк «Оды...» с разнообразными отсылками («Холодный до воды Овидий, / сойдя в ее сырой подвал, / тотчас же стал одной из

---

²Куттик И. Ода на посещение Белосарайской косы, что на Азовском море // Арион. 1997. № 2 (14). С. 23 (далее ссылки на это издание указаны в тексте в скобках).

³Парщиков А. Рай медленного огня. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 147.

⁴Центоноподобные структуры – «классические строки, перемешанные с цитатами из разных авторов при общей метрической природе» [Ковалёв 2008, с. 157].

мидий, / как их Тарковский срифмовал» [с. 23] или «Реббе, / зачем наживку на крючки / сажает рыболов на броде, / тогда как он, в известном роде, / сам червь и раб, Ты ж – царь и бог?» [с. 31]), но и благодаря особой мифопоэтике, пересобирающей вегетативный вариант [Теория литературы 2004, с. 64] мифологического сюжета (образы плодородия, смерти и возрождения) через превращение чудовищной рыбы в Белосарайскую косу:

От древних берегов Магриба –
гроза и гордость мусульман –
плыла к Азову эта рыба
с персидским именем – Дандан,
иначе – рыба-зуб. Могли бы
все уничтожить эти рыбы,
разрушить не одну страну,
но, к счастью, крик сынов Адама
их поражает в сердце прямо,
и – мертвые – идут ко дну.

Она ж меж Рыбой и Моллюском
как будто обрывала связь,
вдруг напрягая каждый мускул, –
и сразу плоть ее зажглась
до ребер розоватым салом;
когда ж выделявала слалом
она меж каменных застав,
казалось, что вода взбурлила,
и из кипящего горнила
по желобу потек расплав (с. 33).

Сам образ чудовища, в котором миф граничит с технологией, базируется на вегетативном комплексе мотивов, в основе которого – «смерть и воскресение» [Фрейденберг 1997, с. 228]. Только мотив воскресения тут трансформируется метаморфозами пространства и технологическими метафорами, создавая синтетический образ, не сводимый к привычным очертаниям мифических героя или чудовища:

В себя с восторгом принимая
косу Азовскую, она
переломилась, как прямая,
иль иначе – та сторона,
что в треугольнике есть катет,

вниз падая, вот-вот окатит
ей перпендикулярный пляж,
иль иначе – как ТУ, что в массе
теряет, убирая шасси
и облегчая фюзеляж... (с. 35)

Так и ключевой эпизод «Оды...», рождение Белосарайской косы, изображается при помощи подобного синтеза, где одна деталь наслаивается на другую, а пространство все время находится в динамике:

Цунами трен – торча наружу,
где, рушась, ожил небосклон –
стал уже, превращаясь в сушу,
которую вода – как трон –
взнесла, начав с черты сиденья
спадать, и улеглася тенью
от ножек, с двух его боков,
округливая контур райской,
сырой еще, Белосарайской
косы, которая покров

песка постлала для прогрева
зарей, оставив Океан
по праву сторону, а слева
себя – расположив Лиман,
лимонно-желтый весь при свете
дневном, но чуть подует ветер
с заката – он меняет цвет
на жаркие тона жердели,
чей костяной свисток тяжеле
плода, хоть мякотью одет (с. 38).

Постоянные метаморфозы – основная характеристика пространства «Оды...». При том, что точка зрения наблюдателя почти неизменна, пространство всегда в движении от морского дна «аж на обратной стороне» (с. 23) до «синих вод потоп» (с. 39). Это динамическое пространство подкрепляет и взаимопричастность «между Рыбой и Моллюском», и мифопоэтическую ситуацию появления чудовищной рыбы.

Скрещение мифа и технологии в языке произведения создает и специфические координаты, когда «сгустилось время / в тот самый миг, когда волна / с себя стряхнула вес, как бремя, / и снова ста-

ла гладью на / тот самый миг» (с. 29) или «горизонталь / в союзе кровном с вертикалью» (с. 30). Художественная реальность этого текста так или иначе задает постоянную смену способа обзора от микрооптики морского дна до макрооптики космологических явлений («Вода отпрянула – и выдох / рыбешки снулой на мели / планеты пошатнул в орбитах» [с. 24]).

В этом смысле «Ода...» Кутика строится как своеобразная переборка «Метаморфоз» Овидия, отсылка к которому возникает еще в третьей строфе, через одический канон и метаболический язык метареализма, причем высокопарность классической оды здесь снимается иронической дистанцией центоноподобных структур и четырехстопного ямба. Это создает и особое функционирование метабол в языке произведения. Напомним, что метабол с позиций современной филологии – это *тип контаминирующего тропа, в котором за счет механизма реализации метафоры могут возникать отношения синкретизма, синтеза и тождества разнородных явлений* [Северская 2007, с. 65; Зейферт 2016; Масалов 2017; Масалов 2019; Масалов 2020].

Мифопоэтическая основа обеспечивает кумулятивную структуру метаболы, т. е. в основу синтетического тропа ложатся кумуляции, где «все члены образного ряда, оставаясь самостоятельными (как палеолитические изображения) и не вступая *ни в какие подчинительные связи, просто присоединены друг к другу*» [Теория литературы 2004, с. 24]:

В лавине той неслись фигуры
птиц, рыбаков, медуз и рыб,
буйки, буй-Туры, пешки, туры,
коньки, ладьи, их палуб скрип,
и скрежет панцирей рептилий,
и ветер в вымпелах флотилий
акул, дельфинов, барракуд;
все эти плавники и крылья
отбиться делали усилья
от нападавших водных груд... (с. 37)

И если в процитированной строке в кумуляции присоединяются члены в родительном («фигуры / птиц, рыбаков, медуз и рыб») и именительном («буйки, буй-Туры, пешки, туры» и т. п.) падежах без какого-либо осложнения, то в следующем фрагменте можно увидеть, как кумулятивное присоединение образов Пространства и Времени осложняется метафорическими конструкциями отождествления и сравнительными оборотами:

Так в кровеносной прасистеме
того же склада пирамид
Пространство – малый круг, а Время
есть круг большой, поскольку мчит,
как в капилляры из аорты,
по всем камням, что притерты
друг к дружке, вроде шестерен,
им занятых в перепасовке
между собой, зане в фасовке
Такой всяк прах – Тутанхамон (с. 29).

В этой строке метаболическая образность синтезирует семантические поля физических явлений и телесности, что подкрепляет синтез мифического и технологического в повествовании «Оды...». Такое функционирование метабол как раз и организует взаимопричастность различных деталей мира, характерную для метареалистического способа высказывания.

С.Ю. Артёмова, анализируя трансформацию жанра оды в поэзии XX в., пишет, что «ода, перестающая воспевать, иллюстрирует принцип работы жанра в лирике XX в.: канон разрушается, остается лишь жанровая память» [Артёмова 2020, с. 94]. Так и «Ода на посещение Белосарайской косы, что на Азовском море», несмотря на близость к эталонам жанра типа метафизической оды «Бог» Г.Р. Державина, к которому также содержится отсылка в тексте, все же размывает жанровые границы и участвует в разработке языка новейшей русской поэзии, в данном случае языка метареализма 80-х годов, в котором на смену языку-шифру и тоске по мировой культуре приходят оптика взаимопричастности явлений и метафизика сосуществования различных версий реальности. В проанализированной «Оде...» это выразилось в вегетативном сюжете между мифическим и технологическим, в постоянных метаморфозах пространства на микро- и макроуровнях и в кумулятивных метаболах, подкрепляющих такой способ высказывания.

Литература

- Артёмова 2020 – *Артёмова С.Ю.* Лирические жанры сегодня. Тверь: Тверс. гос. ун-т, 2020. 198 с.
- Зейферт 2016 – *Зейферт Е.И.* Метафора как индикатор проявления дословесного // Кормановские чтения. 2016. Вып. 15. С. 358–370.
- Ковалёв 2008 – *Ковалёв П.А.* Техника стиха и техника в стихе: поэзия русского постмодернизма. Орел: ОГУ, 2008. 164 с.

- Масалов 2017 – *Масалов А.Е.* Метабола Алексея Парщикова // Учен. зап. Орловс. гос. ун-та. 2017. № 2 (75). С. 137–143.
- Масалов 2019 – *Масалов А.Е.* Семиотика метабола. Ст. 1: Семантика // Там же. 2019. № 1 (82). С. 122–126.
- Масалов 2020 – *Масалов А.Е.* Idem-forma, метабола, тождество: Образная структура поэмы Владимира Аристова «Дельфинарий» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 128–139.
- Русская семантическая поэтика 1974 – *Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature. 1974. № 3 (2–3). С. 47–82.
- Северская 2007 – *Северская О.И.* Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект. М.: Словари.ру, 2007. 126 с.
- Теория литературы 2004 – Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 2: *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.
- Фрейденберг 1997 – *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Эпштейн 2005 – *Эпштейн М.Н.* Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.
- Эпштейн 2009 – *Эпштейн М.Н.* Поэт древа жизни // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/poet-dreva-zhizni.html> (дата обращения 06.08.2021).

References

- Artemova, S.Yu. (2020), *Liricheskie zhanry segodnya* [Lyrical genres today], Tver State University, Tver, Russia.
- Broitman, S.N. (2004), “Historical poetics, vol. 2”, in Tamarchenko N.D. (ed.), *Teoriya literatury v 2 t.* [Theory of literature in 2 vol.], Izdatel'skii tsentr “Akademiya”, Moscow, Russia.
- Epshtein, M.N. (2005), *Postmodern v russkoi literature* [Postmodern in Russian literature], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Epshtein, M.N. (2009), “Poet of the tree of life”, *Novoe Literaturnoe Obzrenie*, no. 4 (98), available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/poet-dreva-zhizni.html> (Accessed 6 Aug. 2021).
- Freidenberg, O.M. (1997), *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre], Izdatel'stvo “Labirint”, Moscow, Russia.
- Kovalev, P.A. (2008), *Tekhnika stikha i tekhnika v stikhe: poeziya russkogo postmodernizma* [Technic of the verse and technic in the verse. Poetry of Russian postmodernism], OGU, Orel, Russia.

- Levin, Yu.I., Segal, D.M., Timenchik, R.D., Toporov, V.N. and Tsiv'yan, T.V. (1974), "Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm", *Russian Literature*, vol. 3, no. 2-3, pp. 47–82.
- Masalov, A.E. (2017), "Alexei Parshchikov's metabola", *Scientific notes of Orel State University*, vol. 2, no. 75, pp. 137–143.
- Masalov, A.E. (2019), "Semiotics of metabola. Article 1: Semantics", *Scientific notes of Orel State University*, vol. 1, no. 82, pp. 122–126.
- Masalov, A.E. (2020), "Idem-forma, metabola, identity. Image structure of the poem by Vladimir Aristov 'The Dolphinarium' ", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 128–139
- Severskaya, O.I. (2007), *Yazyk poeticheskoi shkoly: idiolekt, idiosstil', sotsiolekt* [Language of the poetic school. Idiolect, idiostyle, sociolect], Slovari.ru, Moscow, Russia.
- Zeifert, E.I. (2016), "Metaphor as indicator for manifestation of the before-verbal", *Kormanovskie chteniya* [Korman's Scientific Conference], vol. 15, pp. 358–370.

Информация об авторе

Алексей Е. Масалов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; uchkuduk202@gmail.com

Information about the author

Alexei E. Masalov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; uchkuduk202@gmail.com